«Воспеть Мургаб, Амударью мне было суждено…» Вспоминая поэта Михаила Федотовича Карпенко

Category: Kitapcy,Ýatlamalar
написано kitapcy | 24 января, 2025
«Воспеть Мургаб, Амударью мне было суждено…» Вспоминая поэта Михаила Федотовича Карпенко «ВОСПЕТЬ МУРГАБ, АМУДАРЬЮ МНЕ БЫЛО СУЖДЕНО…» ВСПОМИНАЯ ПОЭТА МИХАИЛА ФЕДОТОВИЧА КАРПЕНКО (1930-2006)

Михаил Федотович Карпенко – туркменский и белорусский журналист, публицист, поэт, заслуженный деятель культуры Туркменистана, член Союза журналистов и Союза писателей Туркменистана, автор 12 поэтических сборников.
Официальные строки биографии не могут в полной мере рассказать о человеке, раскрыть его душу, его внутреннюю суть, тем более человека творческого. А поэт – он весь в своих стихах, в них он открыт, как на ладони, в них трепещет его живая, откликающаяся на все душа, которая полна любви к жизни, к людям, и ей есть о чем сказать им.
Первые стихи начинающего поэта Михася Карпенко были опубликованы в газете «Гродненская правда». Но полностью его поэтический дар раскрылся в Туркменистане, на ташаузской земле, где им были написано большинство поэтических сборников: «Песня дутара», «Походные костры», «Березовая ветка», «Моя кочующая юрта», «Поющие пески» и другие.
Как было сказано выше, М.Ф. Карпенко оставил 12 поэтических сборников. Первый – «Молодые крылья» был издан в 1959 году в Чарджоу (сейчас Туркменабат), другие в Ашхабаде, некоторые в Нукусе (столица Каракалпакии, Узбекистан), последний – «Отцовское поле» – в 2001 году в Белоруссии.
Почти около 40 лет прожил М.Ф. Карпенко на туркменской земле,

красоту которой воспел в своих стихотворениях. Именно этому краю, его природе, его труженикам посвящены многие стихотворения поэта: «Степь», «Расцвела евшан-трава», «У чабанского костра», «Гибель Суховея», «Рыбаки», «Вышки шагают», «Амударья», «Аваза», «Песня дутара». В последнем стихотворении щемящие строки о родном Полесье перекликаются с признанием благодарности к туркменскому краю, и он восклицает: «Где бы я ни работал: на Волге, Днепре, на Устюрте, — благодарен я хате из бревен сосновых, и юрте, благодарен я чистому синему-синему небу, миру, потом взращенному хлопку и хлебу».

В стихотворении «Саксаул» он словно говорит о себе: «Он свою судьбу связал с пустыней. Слишком корни глубоко пустил он».

Вот как пишет поэт о Каракумах: «Здравствуйте, седые Каракумы, берега, исхоженные мной. Я дарю вам сердце, свои думы, для меня вы — вечно край родной».

В «Небитдагской весне» признается: «Весна пустынная нежна, и вся она — в старании. Она — как музыка. Она — как первое свидание».

Стихи поэта — это продолжение его сокровенных мыслей, его внутренней речи, это обращение к гипотетическому alter ego, «ибо поэт стремится не к признанию, но к пониманию», как сказал Иосиф Бродский.

Михаил Федотович Карпенко был очень похож на свои стихи, такой же простой, открытый, душевный, не пасующий перед трудностями. Он писал: «Таков закон у белоруса: не пасовать перед бедой».

Можно сказать, что он писал, как жил, и жил, как писал, как говорится, никого не обижал, никому не досаждал, не таил зла, всегда старался помогать, чем мог.

Вот как он пишет в стихотворении «Зло»: «И становился мой причал расшатанным все более. И я в ответ платил добром. Вам надобно — берите». «И на душе моей светло, приходит солнце в гости. А как же, спросите вы, зло? — А лопнуло от злости».

У Карпенко был свой стиль, своя интонация. Читая его, проникаешься доверием к его слову, его поэтическим образам. Задушевные строки зовут тебя за собой в мир, где «хмельной в округе воздух» и «ромашковые звезды, как лилии в пруду», где

«птичье пенье до боли за сердце берет» и «сладко пахнут травы», где «расцвела евшан-трава» и «осторожные фазаны по утрам к сардобам льнут. Быстроногие джейраны голубые травы мнут»; снежной зимой вместе с поэтом слушаешь вдохновенные звуки дутара в уютной теплой юрте чабана, и возникает ощущение, словно с тобой беседует добрый друг. Он искренен и щедро делится с тобой лирическими размышлениями, личным восприятием этого мира.

* * *

Его поэзия в основном автобиографична, проникновенна, покоряет теплотой интонации, доверительностью. Стихи поэта прославляют единство человеческих сердец, братство и дружбу народов, созидательный труд туркменского народа. Многие строки его поэтических сборников посвящены истории становления Советской власти в Туркмении, Великой Отечественной войне, оставившей горький след в памяти всех людей человечества.

Поэт испытал на себе весь ужас военного времени: отец ушел на фронт, у матери во время фашистской оккупации на попечении оставались шестеро детей и на правах старшего из них, ему пришлось взять на свои неокрепшие плечи все невзгоды сельской жизни той страшной поры.

«Память», «Плачут дойны», «Верность», «Береза», «Белый камень», «Мальчик на пожарище», «Левка» «Хатынь», «Казнь партизана», «Война вломилась в дверь», «Приехал в деревню» и другие стихотворения поэта освещают тему войны.

Большое стихотворение «Ганна», написанное по следам архивных данных, повествует о подвиге белорусской колхозницы Ганны Петровны Михейчиковой из деревни Веснянка. Она сожгла в своем доме группу немецких офицеров, спасая жизнь советскому солдату – разведчику, попавшему в плен. И сама с четырьмя детьми ушла в лес.

А в основе баллады «Марусин перевал» лежит тоже реальное событие – подвиг комсомолки в Крыму во время Великой Отечественной войны. Каждая строка упомянутых стихотворений дышит болью, неутешной горькой болью о павших на полях войны,

о партизанах, расстрелянных фашистами, невинно убиенных в застенках гестапо, о душевных незаживающих ранах в памяти живых.

«А сердце – меж строчек трепещет живое», – напишет поэт в стихотворении «Приехал в деревню». Да, сердце поэта болело о многом…

Обугленное, израненное войной сердце, сердце тосковало о родном белорусском селе, о родном доме, где все ему дорого: и лукошко, что для ягод он сплел, и на белой стене следы от его маленьких рук, «ведь с батькой строили дом» после войны. «Батька умер от ран», и дом «совсем опустел. Плачет ветер в соломенной крыше».

Обращаясь к памяти, просит: «Унеси меня, память, в соловьиную трель, где черемухи заметь, в танцах кружится ель», «под сосну, под калину, под березку Руси…».

«Земляничные поляны», «Тропинка», «Речка-сестра», «Цветет калина», «Зазвенели капели», «Окна в лес», «Лесная опушка», «Молодость», «Бабье лето» и другие стихотворения воспевают край родной, покоряют своей пронзительной нежностью, своим лиризмом, своим откровением: «Как ни было мне тяжко в буче, вечной суете, знай, что сердце под рубашкой сохранилось в чистоте». Дышат любовью и состраданием строки о родной земле: «И хочу я поклониться этой праведной земле, звону бронзовой пшеницы, перепелке и пчеле. Мой поклон – ромашкам низкий, деревам и деревцам. Обелиски, обелиски, обелискам нет конца».

* * *

В своем творчестве Карпенко не разъединял, а объединял культуры, они для него были едины, как едина была тогда вся огромная страна – Советский Союз: «Под высоким звенящим небом сеял хлопок и нефть качал. Из арыков я пил, из сардобы, из колодцев больших глубин. Повевала полынная сдоба терпким запахом русских рябин». Или еще: «Пусть взмокну от росы я – зато душа поет… И это все Россия, земная плоть ее!», – восклицает поэт в стихотворении «Встречи». А начинается оно так: «То встречи, то разлуки, дорога суеты. Вот волжские

излуки, вот Крымские хребты. Беру в дорогу песню, простую каждый раз. То еду на Полесье, то еду на Кавказ».
О братстве народов говорят следующие строки в стихотворении «Амударья»:
«С тобой, река, друзья мы, и вечно будет так. Узбек – воды хозяин, туркмен, каракалпак. По-братски делим воду».
В стихотворении «Ромашки», жалея о том, что «тут березки не хватает, кукушки не хватает, соловья…», восклицает: «Ромашки в Каракумах – это значит земель далеких близкое родство».

* * *

Надо признать, и сегодня независимый нейтральный Туркменистан помнит белорусского поэта и публициста, чье творчество было посвящено дружбе и братству двух народов: белорусского и туркменского, – красоте туркменской земли, ее труженикам.
Два десятка лет проработавший главным редактором областной газеты «Ташаузская правда», он воспитал целую плеяду молодых журналистов, оставил в их сердцах добрый след.
Памяти М.Ф. Карпенко посвятил свою публикацию под названием «Сын двух народов» вышедший в июле 2019 года журнал «Дияр», чьим учредителем является Кабинет Министров Туркменистана. Это знаковое событие говорит о единстве человеческих сердец, народов. Беречь память о людях, внесших свой вклад в культуру, это, согласитесь, наш нравственный долг как перед самими собой, так и перед потомками.
Долгие годы совместной работы и братской дружбы связывали аксакала туркменской журналистики, заслуженного работника культуры Туркменистана Баба Караева и М.Ф. Карпенко.
Когда писался материал, позвонила в Ташауз, старейшему ветерану страны пошел 106-й год, узнал, вспомнил, голос в телефонной трубке бодрый: «О, Михаил Федотович! Выдающийся человек, настоящий друг! Мы, как два главных редактора, возглавляющие областные газеты на туркменском и русском языках, проработали вместе много лет. По журналистской линии объездили почти все республики страны, в поездках он заботился обо мне, чтобы я чувствовал себя комфортно. Всегда относился

ко мне с уважением, как к яшули, советовался со мной, делился своими творческими планами. Я помню до сих пор его улыбку! Только он мог так улыбаться – открыто, от всей души!»

* * *

Но и Белоруссия не забывает своего соотечественника. Известный белорусский писатель и публицист Алесь (Александр) Николаевич Карлюкевич в своей книге «Литературное побратимство», рассказывающей о сегодняшних и вчерашних белорусско-туркменских взаимоотношениях, культурных связях, пишет: «Про Михася Федотовича знали все ашхабадские белорусы. Ездили к нему в Ташауз, встречались в Ашхабаде. Карпенко находил для всех время. Помогал, как мог. «Журналистов, литераторов публиковал в “Ташаузской правде”. А это гонорары, возможность заработать какую-то копейку, что для творческих людей было всегда актуально».
Автор также упоминает имена белорусских литераторов и журналистов, долгое время живших и работавших в Туркменистане: писателя Николая Калинковича, радиожурналиста Владимира Грачева, Василия Слушника, редактировавшего партийную газету «Туркменская искра», писателей Василия Ткачева, Василия Шаталова. Подробно рассказывает о первых шагах Карпенко как поэта, о тесной дружбе белорусских и туркменских писателей и поэтов.

* * *

У Михаила Федотовича была замечательная жена Лариса Ивановна Карпенко, заслуженный учитель Туркменистана. Она преподавала математику в ташаузской средней школе №10.
Как вспоминают ее ученики, в том числе и мои двоюродные братья и сестры, которые учились в этой школе, «она была очень строгим педагогом, знала свой предмет великолепно и этот сложный предмет преподавала легко, так, что мы полюбили математику». В семье было двое детей – красавица дочь Елена и сын Сергей.

* * *

Мне судьба подарила не только встречу с Михаилом Федотовичем Карпенко, но мне и посчастливилось работать с ним несколько лет.

В связи с семейными обстоятельствами в декабре 1981 года мы – мой муж, две наши дочери и, естественно, я – переехали из Чарджоуской области в город Ташауз, где жили мои родители. Мужу предложили работу в областной газете «Коммунизм елы» (с туркменского – путь к коммунизму), а мне – в «Ташаузской правде», которой руководил Михаил Федотович Карпенко. Я не имела тогда никакого опыта работы в газете, но с детства мечтала быть журналистом, как и мой отец. Карпенко в назначенный день принял меня в своем кабинете, спросил, могла бы я приступить к работе сейчас, на что я ответила согласием.

«В редакции все творческие вакансии заняты, могу только предложить поработать корректором», – сказал он. И продолжил: «Если вы хотите свою жизнь связать с нашей профессией, то лучшего начала и желать не надо. Наберетесь опыта, узнаете газетную работу изнутри».

Так я начала обучаться газетному делу, точнее, корректуре, что, прежде всего, требовало, конечно, хорошего знания языка, и обязательного владения стандартными корректурными знаками.

Сейчас вы не можете себе даже представить, что такое «черный» набор? Набор производился на специальной строкоотливной машине – линотипе. Она получила свое название от английского слова «ляйн» – строка и отливала из расплавленного металла не отдельные литеры, а целые строки в виде пластинок заданного формата и кегля, на верхнем торце которых имеется рельефное изображение букв и знаков.

Не вдаваясь в детали печатания, скажу, что в типографии, во-первых, невозможно было дышать: было душно от запаха горячего металла, во-вторых, неудобно читать полосы, не было рабочего стола для корректора. А самое главное было то, что те, кто верстали полосу, не очень хорошо владели русским языком и не могли оперативно найти строку, в которой была ошибка. И чаще всего, чтобы не тратить время, а это уже ближе к полночи,

корректор вставал за верстальный стол и сам находил и выковыривал неграмотную или со сбитым шрифтом строку и вставлял исправленную. И затем под краном, располагавшимся на улице, мы смывали с рук черную краску.
Было очень интересно, быстро пролетело время, через полгода Михаил Федотович издал приказ о моем назначении корреспондентом в отдел культуры. Я с энтузиазмом приняла предложение и, засучив рукава, приступила к работе. Конечно, поначалу было трудно, ведь приходилось учиться писать информацию, заметки, репортажи. Вскоре стала по редакционному заданию ездить в командировки, брать интервью. Мешала некоторая робость, неуверенность в себе, но все это компенсировалось моим горячим желанием как можно быстрее овладеть новой профессией.
Стала участвовать в летучках, на них обсуждались газетные номера. Это была профессиональная школа, где я набиралась опыта. Как эмоционально они проходили! Иногда дело доходило до обидных упреков, даже до слез. Но я видела, что сотрудники любят газету, принимают близко к сердцу каждую публикацию. А ведь это он, Михаил Федотович, был неравнодушен к своей газете, и это он «заражал» всех, это он требовал правдивости и объективности в освещении фактов, качественности изложения материала. А газета, как написал в своем стихотворении поэт: «Она рождается со вздохами и сразу, крылья обретя, летит, как требует эпоха, и дышит каждая статья».
…Он стоял у руля газеты «Ташаузская правда» со дня ее открытия, с 1971 года, и до ухода на пенсию был бессменным ее главным редактором! Не помню, чтобы он на кого-то кричал, или кого-то ругал. Неопытных чаще всего поддерживал, находя верные, по-отечески мудрые слова. Иногда мог пригласить к себе в кабинет, поговорить по душам. Сотрудники газеты его очень любили за доброту, доступность, понимание. Если он бывал сердит, а это нередко случалось тогда, когда его вызывали наверх и давали взбучку, тогда он попросту закрывался у себя в кабинете.
Об этом рассказал сам М.Ф. Карпенко в своем стихотворении, строки которой созвучны тому сложному времени. Оно очень

длинное, поэтому я лишь выборочно приведу некоторые строки.

- **Газета**

(По конкретному поводу)

……

Порой бывает,
как ни странно, –
Ретивый деятель «вверху»
Горазд выискивать изъяны,
Спешит за хвост
поймать «блоху».
И рад, когда ее поймает
Иль заарканит подхалим.
Он скажет:
– Орган наш хромает! –
И тут он непоколебим.
Тогда сработает реакция
И бьет стрела
мне прямо в лоб.
И лихорадит
Всю редакцию,
Бросает вирус зла в озноб.
…….
А за плечами
Груз заданий,
Как – будто бы
стожильный ты.
И нету дня без заседаний,
Подчас ненужной суеты.
И ты не в силах разорваться –
Быть в облоно,
Быть в облфо.
И начинает надрываться
И раскаляться телефон:
– Вас почему на слете нету,
Сидит себе и ни гу-гу!
– Да я читаю ведь газету

……..
Но что ты скажешь
бюрократу,
Который с делом незнаком.
Заявит он авторитетно,
Где надо, чтобы каждый знал,
Что я сидел
над Литгазетой,
Роман Сафонова читал.
Он на газетчиков надменно
Глядит,
И лишь в себя влюблен.
И лишь себе он знает цену:
Он Гиляровский,
Сытин он.
Такому деятелю мнится
Ну хоть ты плачь,
Ну хоть пляши –
Что все газетчики тупицы,
Бездельники
И алкаши.
Дождаться трудно
Слова доброго
Хотя по цели
строчки бьют
Как часто мне
ломают ребра,
Как редко
пряники дают….
Но я работаю,
Работаю,
Обиды прочь и зубы сжав,
До пятого,
Седьмого пота,
И мысль свободна и свежа,
Дышу я цинком
в типографии,

Металл ладонь мне печет.
Моя простая биография
И не завидный мне почет,
Но я, поверьте мне,
не сетую,
Спешу я каждому помочь.
Вожусь
с родной своей газетою
И день и ночь,
И день и ночь.

…Газета выходила почти каждый день помимо воскресенья, и главный редактор оставался в редакции до позднего вечера, несмотря на то что были дежурные по газете. Иногда мог заглянуть в кабинет, спросить, как дела, какой темой интересуюсь. В свободное время, как рассказывал его водитель, он просил отвезти его куда-нибудь подальше за город, чаще в пески, и там он дышал полной грудью, вдыхая запахи трав, земли, напитываясь свежестью просторов, вдали от городской суеты, мог часами находиться там, думать, писать стихи.
Выходили его книги. Несколько книжек он и мне подарил с дарственной надписью, за что я очень благодарна ему. Потом судьба распорядилась так, что я перешла на другую работу, но никогда не порывала с газетой. И мои первые неопытные стихи поддержал и опубликовал он в «Ташаузской правде».

Гозель НУРАЛЫЕВА. Ýatlamalar